

Алиса
РУБЛЕВА

РАЗВОД

И другие лекарства

Алиса Рублева

Развод и другие лекарства

«Автор»

2026

Рублева А.

Развод и другие лекарства / А. Рублева — «Автор», 2026

— Привет, Адель. Так вот ты какая... — Худая девушка с пепельно-белым каре смотрит на меня с нескрываемым раздражением.— А вы, простите, кто? — спрашиваю, выгибая бровь.— Я любовница Валентина. И скоро мы станем родителями. — Она с нежностью поглаживает свой плоский, как доска, живот.— И вам хватает наглости прийти ко мне и заявить, что вы спите с моим мужем и... Беременны от него? Она закатывает глаза.— Мне надоело, что Валя живет с тобой. Он тебя жалеет. Вот я и взяла все в свои руки. Мой любимый предал меня. Я осталась ни с чем и думала, что хуже уже быть не может. Но развод оказался не самым страшным испытанием. Я перенесла операцию, и моя внешность кардинально изменилась. Смогу ли я теперь найти работу, любовь и свое место в жизни?

© Рублева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	35
Глава 13	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алиса Рублева

Развод и другие лекарства

Глава 1

Говорят в жизни может наступить черная полоса.

У меня было много таких.

И вот новая началась с незнакомки на пороге квартиры.

– Привет, Адель. Так вот ты какая... – девушка смотрит на меня с нескрываемым раздражением.

Высокая, худая. Пепельно-белое каре обрамляет тонкую шею. Бледно-голубые глаза подведены карандашом. На незнакомке бежевое обтягивающее платье и балетки. Неприятная девушка. И взгляд у нее злой, нехороший.

Я поднимаю брови от удивления.

– А вы, простите, кто?

– Я любовница Валентина. И скоро мы с ним станем родителями. – Она с нежностью поглаживает свой плоский, как доска, живот.

– И вам хватает наглости прийти ко мне и заявить, что вы спите с моим мужем и... – Я набираю в легкие побольше воздуха. – Беременны от него?

– Мне надоело, что Валя живет с тобой. Он тебя жалеет, и не знает, как сказать правду. Вот я и взяла все в свои руки. Уходи от него! Имей гордость. Или будет хуже. Я тебя предупредила.

У меня в висках начинает пульсировать. Закладывает уши.

Мне больше не о чем говорить с этой мерзавкой.

Я захлопываю перед ней дверь.

Гадкая, злобная девица.

Может, она решила разыграть меня?

По какой-то причине хочет поссорить меня с мужем, вот и рассказала эту небылицу.

Я не верю. Не хочу верить. Не могу. Валя... он же любит меня. Он бы так не поступил.

Мы четыре года вместе. Еще молодая семья. Зачем ему женщина и ребенок на стороне?

Этого просто не может быть.

Нет.

Нет!

Я отказываюсь в это верить.

До вечера я сижу, как на иголках. Пока жду возвращения мужа с работы, занимаюсь готовкой, чтобы хоть как-то отвлечься. Делаю картошку пюре и курицу под соусом терияки в духовке – его любимое блюдо.

Пока курица запекается, а картошка стоит под плотным полотенцем, сажусь за мольберт.

Я почти завершила картину. Городской пейзаж, вид на оживленную улицу нашего города.

Я люблю рисовать архитектуру. Только мои картины мне не нравятся. И никому не нравятся. Их никто не хочет покупать. Никто. И вроде все хорошо на них, все красиво, но...

души нет.

Я не чувствую. И ничего не могу с этим поделать.

Еще студенткой я мечтала, что хобби может приносить деньги, но увы... Видимо, быть бедным художником – это проклятье. Хорошо, что у меня есть нормальная работа, которая приносит деньги. Не самая лучшая, не сказать, что любимая, но какая есть. Менеджер по логистике. Напряженно, нервно, ни грамма творчества – зато стабильно.

Добавляю на полотно темных оттенков. Закрашиваю желтые окна черным. Делаю небо мрачнее. Картина меняется вместе с моим настроением. Ситуацию может выправить только одно. Только если Валя мне скажет, что на порог ко мне пришла городская сумасшедшая. И нет у него никакой беременной любовницы. Я по его словам и реакции сразу пойму, правда это или нет.

Но что, если девушка не соврала?

Что, если правда мой любимый муж мне неверен?

Я уже не представляю свою жизнь без него. Мы ведь любим друг друга.

Не так бурно, как в первые годы. Мы не кричим об этом, не держимся за ручки часами.

Но... с годами ведь страсть уходит. Так у всех бывает. Это нормально. Зато появляется стабильность и крепкий союз.

От мыслей отрывает звон духовки.

Я дергаюсь.

Кисть мажет по полотну черной линией.

Ну и плевать.

Все равно эта картина никому не нужна.

Я иду на кухню, надеваю рукавицы и достаю противень из духовки. Аромат сочной курицы тут же ударяет в нос. Во рту скапливается слюна.

Переключаю курицу в контейнер и накрываю полотенцем. Валя придет с минуты на минуту.

Мою посуду.

Мужа все нет.

Иду в ванную. Может, чуть привести себя в порядок, как я это делаю перед походом в офис?

Смотрю на себя в зеркало.

Круглое, миловидное лицо. Маленький, прямой нос, серые глаза с длинными ресницами, пухлые губы.

Мне всегда нравилось мое лицо. Пока я не поправилась на десять килограмм, после медикаментозного лечения. Полгода прошло, а я все не могу похудеть. Щеки стали пухлее, руки тоже, бедра, живот, да вообще все. Вот если бы сбросить эти килограммы обратно, было бы отлично.

Втягиваю живот, стоя перед зеркалом. Потом опускаю домашнюю майку и достаю из шкафчика плойку.

Длинные, каштановые волосы пушатся и торчат петухами.

Я прыскаю на них средством для термозащиты и прохожусь по длинным прядям утюжком.

Когда заканчиваю, волосы кажутся еще длиннее. Прохожу по ним расческой и довольно оглядываю результат.

Тем временем на часах уже семь, а Вали все нет.

Я звоню мужу.

– Валь, ты когда будешь? Ужин стынет.

– Скоро, уже еду, – резко отвечает муж.

У меня внутри все сжимается от такого тона.

– А чего ты такой злой?

– На работе задерживают, Ада. Скоро буду!

Он бросает трубку.

Я нервно сглатываю.

Муж приезжает в восемь часов. И с самого порога я замечаю, что он не в духе. Такое уже бывало, но редко. Валя любит свою работу, и не так уж часто там случается что-то плохое, чтобы он так раздражался.

Но сейчас мне почему-то кажется, что дело не в работе. Будто часть раздражения Вали направлена и на меня тоже. Вот только за что? Я ведь ничего плохого ему не сделала.

– Привет. – Я подхожу и целую его в щеку.

– Привет, – недовольно сопит.

А у меня внутри уже все клокочет от страха и сомнений. Что-то не так.

– Я накладываю ужин? – спрашиваю, стараясь быть спокойной.

– Накладывай.

Валя раздевается и уходит в ванную.

Я подогреваю еду.

Хотя аппетита уже никакого нет.

Муж садится за стол и начинает молча жевать, листая каналы на телевизоре.

– Что у вас случилось на работе?

Он откладывает вилку и смотрит мне в глаза. Так внимательно, пристально.

Валентин – красивый мужчина. Молодой, всего двадцать восемь лет. Лицо живое, мужественное. Только когда хмурится, выглядит старше. А сейчас он именно это и делает. Карие глаза будто хотят заглянуть мне в душу. Валя проводит рукой по густой шевелюре темно-русых волос и складывает мощные руки перед собой, все еще сверля меня взглядом. Будто он ищет во мне какие-то ответы.

И я не выдерживаю.

– Сегодня приходила девушка. Твоя любовница.

Глава 2

Я внимательно наблюдаю за реакцией мужа.

Его брови едва заметно поднимаются, а зрачки расширяются, закрывая собой половину радужки.

– Моя любовница? – переспрашивает Валя, как бы безразлично почесывая щеку. – И что же она сказала?

Муж не сводит с меня глаз. Смотрит внимательно, держится спокойно.

Старается держаться.

А я уже вижу, это не та реакция, которой я ждала.

Если бы это было неправдой, Валя бы сейчас рассмеялся, задавал бы наводящие вопросы с сарказмом, шутил бы.

Но он серьезен. И мышцы напряжены.

Хотя, может быть дело в проблемах на работе? А тут еще я со своими подозрениями. Вот он и злится, и не до шуток ему...

– Сказала, что беременна от тебя.

Валя сжимает кулаки. Лицо у мужа такое, будто он дракон, готовый вот-вот жажнуть пламенем, чтобы сжечь все к чертям.

А меня такая реакция любимого пугает до ужаса.

Неужели все правда, и девица не обманула?

– Валь, почему ты молчишь?

– Потому что ты бред несешь! – резко отвечает он. – Какая еще беременная любовница? Ты серьезно?

– Она заявила к нам домой. Блондинка. Худая. По-твоему, я выдумываю?

Муж резко отодвигает от себя тарелку, так сильно, что она прокатывается через весь стол и влетает в стену.

– Я не сказал, что ты это придумала. Я в шоке от того, что ты поверила какой-то первой встречной бабе. В шоке, что ты мне не доверяешь!

– Я доверяла, Валя. До этого момента. – Я поднимаюсь из-за стола. – Но твоя реакция о многом говорит.

Муж тоже резко встает. Стул шумно падает за его спиной.

– Какая реакция? А чего ты ждала? Я работал почти до восьми часов, я устал, как конь. А вместо того, чтобы спокойно поужинать, я выслушиваю твои упреки и абсолютно необоснованные подозрения!

– Тогда, кто эта женщина и зачем к нам пришла? Внешность у нее запоминающаяся. Таковую точно не спутаешь ни с кем. И она знала тебя. И меня по имени назвала. Откуда она может нас знать?

– Не спрашивай у меня, – уже спокойнее говорит он. – Я понятия не имею.

– Не знаешь ни одной худой, высокой блондинки?

Муж кривит лицо, раздражаясь.

– Не знаю.

– Ну это же неправда! Ты мне врешь, Валь! Я только не пойму, зачем? Если только она правда твоя любовница, и ты пытаешься это скрыть.

– Ты достала! Я тебе уже ответил ни один раз. Я не знаю, кто к тебе приходил. Разговор закрыт.

Валя тяжелой походкой выходит из кухни. Надевает джинсы и футболку и идет к выходу.

– Я подышать.

Уходит, хлопнув дверью.

Я падаю обратно на кухонный стул и закрываю лицо руками.

Как же больно. В груди печет. Сердце тарабанит, как барабанщик на рок-концерте.

Мне так плохо и страшно. По телу пробегает дрожь. Хочется отмыться от этого разговора, заползти под одеяло и не вылезать.

Я не могу представить, что будет, если мы с Валею разведемся. У меня кроме него почти никого нет. Только старенький дедушка в родном городе. И все. Все!

Муж занимает огромную часть моей жизни. Он для меня почти все. Но если он правда изменяет, я не смогу простить. Да и если захотела бы... буду ли я нужна ему, если у него есть беременная любовница?

Слезы льются по щекам горячими дорожками. Сердце будто тысячей ножей пронзает.

Я позволяю себе выпустить все эмоции, выплакать все до последней капли.

Потом убираю со стола. Иду в ванную, и смываю под душем весь пот и соль, что накопились за этот ужасный день.

Когда выхожу, Вали так и нет дома. Я забираюсь в кровать в длинной футболке для сна. Накрываюсь одеялом до самого подбородка и лежу в темноте.

Глаз сомкнуть не могу. И чем-то заняться тоже не получается. Не хочется ничего. Все мысли лишь о том, что будет дальше. Как мне узнать правду? Следить за мужем? Проверять телефон? Если любовница все же есть, да еще и беременная, почему он все еще со мной? Хочет, чтобы у него были сразу две женщины? Или выбирает?

Любит ли он меня вообще, если все так?

Еще сегодня утром я бы ответила на этот вопрос: да.

А сейчас... не знаю.

Через какое-то время слышу, как открывается входная дверь.

Муж разувается в коридоре. Потом заходит в спальню. Свет не включает.

Я слышу, как шумит кровь у меня в ушах.

Валентин молча снимает с себя одежду, пропахшую уличной прохладой.

Ложится под одеяло. Рядом. Но не касается.

И так и не говорит ничего.

Меня душит обида за то, что он так отреагировал. Ослепляет страх, из-за того, что слова той блондинки могут быть правдой. Мне становится нечем дышать от одной только мысли, что нам с Валентином придется развестись. Что он будет любить другую, обнимать ее, целовать, растить их общего ребенка... Это все должно было быть у нас!

Сердце разрывается от боли.

И вдруг...

Неожиданно, муж сгребает меня в охапку и притягивает к себе под одеялом.

Он такой горячий. Такое любимое, до боли знакомое плечо оказывается под головой.

Я касаюсь кончиком носа его кожи. Вдыхаю его запах. Сладкий и свежий, как мятное капучино.

Валя целует меня в макушку. Так нежно, как делал это раньше.

Я закрываю глаза. Позволяю плечам расслабиться. И по щеке скатывается слеза.

Я вдруг снова обретаю надежду, что все еще может наладиться.

Если бы я знала, как ошибаюсь...

Глава 3

Утром я просыпаюсь в пустой постели. Из кухни доносятся шорохи. Удары ножа по разделочной доске, шум кофеварки. Обычно это я встаю первой и кручусь, как заведенная.

Потягиваюсь, вылезая из-под одеяла и иду босиком на кухню.

Муж стоит у стола и нарезает хлеб толстыми ломтями. На каждый кладет по увесистому куску вареной колбасы и сыра. На столе замечаю миску помытого зеленого винограда, еще с каплями воды на ягодах.

Смотрю на все это и в груди почему-то теплеет. Все так просто, но видно, что муж старается.

– Утречка, – говорю хриплым голосом.

– И тебе, – улыбается он и ставит тарелку с бутербродами в центр стола. – Завтрак готов.

– Мило, Валь, – сонно улыбаюсь. – Сейчас только зубы почищу.

Через пять минут я сажусь за стол слева от мужа, беру бутерброд и откусываю кусок.

Валя кладет руку мне на колено.

– Дель, слушай, ты только не накручивай себя, ладно? – его голос спокойный, почти ласковый.

Я делаю глоток горячего кофе и смотрю на мужа. Он продолжает:

– Ты моя жена. Я люблю тебя.

Я киваю, будто верю. Или пытаюсь верить.

– Хорошо, – тихо отвечаю, чтобы не выдать дрожь в голосе.

Он целует меня в висок.

Мы быстро завтракаем. Потом Валя одевается и уходит на работу.

Дверь хлопает, и тишина снова накрывает квартиру.

Завтра у меня рабочий день по сменному графику, а сегодня нужно заняться домашними делами. Пропылесосить, протереть пыль...

Смотрю на пустую тарелку из-под бутербродов, на миску с остатками винограда, и думаю... что это вообще было?

Валя чувствует свою вину за то, что накричал вчера?

Или пытается притупить мою бдительность, чтобы я не стала искать следы любовницы в его жизни?

Сейчас я вижу, что муж хочет, чтобы я ему верила.

В любви признался. Завтрак сделал в кои-то веки.

Значит, я правда ему нужна.

Но это не исключает того факта, что у Вали может быть любовница.

Сомнения меня не отпускают. Это не случайно найденный волос. Это целая женщина, которая заявила ко мне на порог, объявив себя любовницей моего мужа. На такое просто не получается закрыть глаза.

Телефон начинает вибрировать, отрывая меня от мыслей. Входящий звонок от начальницы. Сердце ухает. Отвечаю:

– Да, Динара Руслановна?

– Ада, привет, – ее голос сухой, уставший. – Ну что, как мы и думали, нас всех сокращают.

У меня в ушах начинает звенеть.

– Когда?

– Сегодня последний рабочий день. Приезжай. Подпишешь документы и получишь расчет.

Я сжимаю трубку так, что пальцы сводит.

– Всех сократили? До одного?

– Да, весь отдел. Все давно к этому шло, ты же сама понимаешь. Это было очевидно сразу после слияния компаний. Зачем “Рассвету” наши логисты, если у них есть свои?

– Да, понимаю, – говорю отрешенно. – Хорошо. Я сейчас приеду.

Сбрасываю звонок и потом еще долго смотрю на потухший экран. Словно свет выключился во мне. И так пусто и темно стало внутри. И только какой-то холодный, гулкий ветер гуляет где то в этой кромешной тьме.

Когда отхожу от ступора, пишу Вале:

“Меня сократили”.

Смотрю на экран, но муж не отвечает.

И от этого пустота внутри становится еще глубже. Грудь сдавливает, будто ее затянули ремнем. В горле начинает першить.

Да. Слухи о сокращении ходили давно, но это были лишь слухи. Шли месяцы, и мы все сидели на своих местах. А теперь... вот как. И вроде за столько времени можно было подготовиться к этой новости морально, но нет... Не получилось.

Собираюсь неспешно, будто оттягиваю момент неизбежного. Выбираю простую, светло-голубую блузку, заправляю ее в джинсы. Волосы собираю в хвост, чтобы не мешали.

Потом смотрюсь в зеркало, вглядываясь в лицо. Под глазами залегли синяки, кожа стала бледнее, кажется, будто я постарела лет на пять.

Еще бы... с такими-то новостями со всех сторон.

Дорога до офиса тянется мучительно. Я смотрю на улицы в окно автобуса, маршрут привычный, но я понимаю, что еду не на работу, а прощаться. Сердце стучит, уши заложило. Хочется повернуть обратно, но ноги все равно ведут в офис.

Я работала на эту компанию три с половиной года. Я всех тут знаю, хорошо понимаю свои обязанности, чувствую себя, как рыба в воде...

А теперь, придется искать что-то другое, ходить по собеседованиям, учиться заново... И найду ли я что-то такое же достойное?

Захожу в здание, вахтерша здоровается, узнав меня.

Потом лифт, пятый этаж. Знакомый серый коридор с кучей дверей по обе стороны. Мимо проходят коллеги с пакетами, в которых, я знаю, лежат их пожитки, все, что накопилось в офисе за годы работы.

И я тоже дохожу до кабинета и собираю вещи в две большие сумки. Ну и накопила же я всякой мелочевки тут. От жидкого мыла для рук до коробки с чаем.

– Ну что, девчонки, давайте не теряться, – говорит Лена, старший логист, когда мы встречаемся в бытовке. – Мы же столько лет вместе. Давайте сделаем общий чат, будем делиться новостями.

– Давайте, конечно, – подхватывают остальные.

– Обязательно, – соглашаюсь я и чувствую, что мне очень грустно.

Будто в моей жизни были столпы, на которых все держалось. Крепкий брак, стабильная работа... А теперь все рушится, выбивая почву из-под ног.

Обнимаю Лену, потом Олю, потом остальных девчонок, с кем общалась.

Потом подписываю документы, получаю расчет. И с двумя пакетами в руках выхожу из здания.

Вот и все.

Когда приезжаю домой, мне, наконец, звонит муж.

– Привет, – его голос взволнованный. – Совещание было, не мог ответить.

– Понятно, – отвечаю, разбирая пакеты.

– Держись, зайка. Все получится. Найдешь что-то новое, может, даже лучше.

– Надеюсь.

Хорошо, что муж поддерживает. Так хоть немного, но легче.

Не буду раскисать. Сейчас соберусь с духом и сяду за резюме. Нужно его поправить, и можно искать работу.

К вечеру я готовлю плов в мультиварке.

Приходит Валя. На этот раз в нормальном настроении. И вовремя.

Мы садимся ужинать.

И мужу кто-то пишет.

А я вдруг замечаю, у него на телефоне новое стекло. Зеркальное. Вот я сажу сбоку и не вижу, что у него на экране, что и кому он печатает. Как давно оно у него?

Валя набирает сообщение, а потом откладывает телефон в сторону. Экраном вниз.

У меня гулко начинает стучать сердце.

– Кто пишет? – спрашиваю.

– Да там... по работе, – отмахивается муж.

Я внимательно смотрю на него.

– Покажи.

Валя тут же поднимает брови.

– Ты серьезно? Не доверяешь мне?

– После вчерашнего... я просто хочу убедиться. Покажи, тебе же нечего скрывать.

– Я не буду потакать твоему бреду! – Муж отбрасывает вилку. – Спасибо, аппетит испорчен.

Валя хватает свой телефон со стола и направляется к ванной.

Я догоняю и преграждаю ему путь.

– Чего еще?!

– Валя, или ты сейчас же показываешь мне телефон, или я делаю вывод, что у тебя кто-то есть. И тогда... тогда... мы разводимся!

Протягиваю раскрытую ладонь, чтобы он дал мне свой телефон.

– Я жду.

Глава 4

Протягиваю раскрытую ладонь перед мужем, чтобы он дал мне свой телефон.

– Я жду.

Валя мрачнее тучи. На лице играют желваки. Муж понимает, что я загнала его в угол. Тут уже, как ни крути, если сейчас не даст телефон, будет очевидно, что он что-то скрывает.

– Я не понимаю, как ты можешь мне не верить, – не прекращает попыток отговорить меня.

– Я поверю, если посмотрю.

Он с силой сжимает телефон в руке. Стоит так пару секунд, не глядя на меня, будто обдумывает решение. А потом все же протягивает мне гаджет.

– На, смотри! – выплевывает слова мне в лицо.

Я беру телефон.

– Тут пароль.

Муж сам вводит цифры. Блокировка снимается.

Я открываю мессенджер.

Последнее сообщение от Марины.

Внутри короткая переписка. Всего пара сообщений.

Она пишет: “завтра иду на прием”.

И Валя ей отвечает: “напиши мне потом, как выйдешь от врача”.

Переписка свежая. Это этой Марине он отвечал сейчас за столом.

У меня по спине пробегает холодок, а в груди все неприятно сжимается.

– Кто это, Валь? – спрашиваю и чувствую, как дрожу всем телом.

Муж выхватывает у меня телефон, отвечает зло:

– Это коллега. У нее с мочевым проблемы. Цистит этот ваш бабский. Я дал ей контакт Мишки. Потому что он лучший уролог. Попросил, чтобы рассказала потом, помог или нет.

Я не верю... Это какой-то бред.

– А вы на работе об этом не достаточно поговорили, чтобы потом еще и переписываться? И что это за коллега, Марина? Я такой не помню. Ты никогда про нее не говорил.

– У нас огромный офис. Я тебе про каждого рассказывать должен?

Не верю, что все это происходит с нами...

В ушах уже шум крови, сердце бешено колотится.

– Больше похоже, Валь, – произношу дрожащим голосом, и чувствую, как в носу начинает щипать, – что это переписка с той блондинкой, и что она пойдет на прием по поводу своей беременности, а ты ждешь новостей.

Муж поджимает челюсть.

– Ты фантазерка. И у тебя уже паранойя, Адель. Забудь ты про эту блондинку! Нет у меня никакой любовницы. Почему ты мне не веришь? Или ты увидела где-то у меня в переписке поцелуйчики и обсуждения горячего секса с какой-нибудь бабой? Не было там такого! А это коллега, и я тебе уже все объяснил!

– Так там всего пара сообщений, ты просто стер остальные!

На глаза все же выступают слезы. Я глубоко дышу, стараюсь не уйти в истерику.

– У тебя точно какая-то навязчивая идея уличить меня в измене. Никогда такого раньше не было. Может, тебе своей головой заняться, а не на меня все сваливать?

– Ах так? То есть, это мне кажется?

– Да, кажется, – отвечает, сложив руки на груди.

– Хорошо, – говорю улыбаясь, но эта улыбка не от радости, она нервная, кривая. – А давай, позвоним ей и проверим? А?

Смотрю на мужа с вызовом.

– Я не буду звонить коллеге и позориться, что моя жена что-то подозревает.

– А ты не говори про подозрения, просто скажи про уролога, если она поймет тебя, значит не врешь.

– Я не буду этим заниматься.

Я вздыхаю, сжав кулаки, до боли вонзив ногти в кожу.

– Все с тобой понятно, Валь.

Уже разворачиваюсь, чтобы уйти, но муж одергивает меня.

– Ладно! Хрен с тобой!

Он открывает контакты на телефоне и набирает эту Марину.

Ставит на громкую. Держит телефон в руке между нами.

Я стою.

Не дышу.

Чувствую удары сердца о ребра.

И вот раздается голос в динамике:

– Алло.

Мой слух тут же напрягается, пытается вытянуть из памяти голос той блондинки. Но динамики искажают звук. Я не могу разобрать, она это или нет.

– Алло, Марин, – говорит муж, не глядя мне в глаза, – насчет твоего завтрашнего приема к урологу.

– Да? – отвечает она.

– Мишка наверняка тебя на узи отправит. Нужно будет побольше воды за час до приема выпить.

Пауза.

Ее вздох из динамика. Такой тяжелый, уставший.

Я смотрю на мужа, а у него все лицо красное, как у вареного рака. Даже пот на лбу выступил.

– Я знаю, – наконец, отвечает девушка. – Спасибо.

– Ладно, тогда пока.

Валя быстро сбрасывает звонок, даже с каким-то остервенением. И зло смотрит на меня.

– Убедилась?!

Я молчу. Часто моргаю. Не знаю, что сказать.

– И закрыли тему! – орет.

Муж уходит в ванную.

Хоть он и показал телефон, и позвонил этой девушке при мне – я не верю.

Слишком Валя нервничает для человека, которому нечего скрывать.

Ночью, когда муж засыпает, я решаю посмотреть номер этой Марины в его телефонной книжке и позвонить ей. Я поговорю с ней сама. Если это та девушка, что приходила ко мне, я узнаю, когда поговорю.

Я тихо обхожу кровать и беру с тумбочки телефон Вали. Ввожу пароль, тот, что видела сегодня, но он не подходит. Две попытки, и никак. Еще одна и телефон блокируется.

Бесполезно. Я не смогу залезть в его телефон, чтобы Валя не узнал.

А если снова заведу этот разговор, муж разозлится еще сильнее. И будет только хуже.

Возвращаюсь в кровать и смотрю на него спящего.

Так хочется, чтобы его слова были правдой. Чтобы это действительно была просто коллега.

Но, когда я так думаю, мне кажется, я себя обманываю. Пытаюсь проглотить пилюлю его лжи и успокоиться.

Все эти нервы и сомнения в верности мужа... они, как болезнь. И тут либо и дальше глотать эти лживые пилюли, чтобы заглушать симптомы, либо уже узнать правду и излечиться. Только правда очень страшная. И лечение будет жутко болезненным.

Так может, мне и дальше глотать его ложь?

Но почему-то от этой мысли только больнее в груди.

Нет. Я должна разобраться во всем. Должна узнать наверняка. И если вдруг Валя не врет, и нет у него никакой любовницы, то я должна узнать, что же тогда происходит. Потому что его поведение ненормально, будто его совесть правда не чиста. Что-то точно не так. И я узнаю, что.

Проходит неделя.

Пока мы с мужем не сдвинулись с мертвой точки. Он по-прежнему делает вид, что все нормально, а я стараюсь цепляться за мелочи, чтобы узнать правду.

Воспользовался духами перед работой. А потом задержался вечером. В этом есть связь? Возможно.

Сидит в туалете иногда по часу. Телефон теперь не экраном вниз. Я вообще его не вижу, муж его даже не достает при мне.

Я столько сил трачу на эти подозрения, а мне ведь надо искать работу.

Если мы с Валею разведемся, я останусь без дохода. Денег, которые мне выплатили при увольнении, надолго не хватит.

Я должна найти стабильное место, чтобы не уходить без подстраховки в никуда.

Как ни крути, но пока я безработная, я завишу от мужа.

За эту неделю я потеряла три килограмма веса. Не думаю, что это хорошо. Просто не было аппетита и еще этот жуткий стресс. Чувствую, что желудок начинает болеть. Не хватало только проблем со здоровьем. У меня сейчас совершенно нет денег на лечение.

Утром, когда муж на работе, я собираюсь на собеседование. Блузка и юбка-карандаш. Волосы в хвост. Легкий макияж.

Я смотрю на себя в зеркало перед выходом.

Если бы я только знала, что это последний раз, когда я смотрю на себя такую.

Если бы только знала, что ждет меня за дверью...

Никогда бы не вышла.

Глава 5

Я выхожу из квартиры и спускаюсь по лестнице. Все мысли о предстоящем собеседовании. Это логистическая компания. Мой профиль. Зарплату обещают меньше, чем у меня была, и добираться до офиса дольше, но это все равно хороший вариант. Лучший за неделю. Они обещают дружный коллектив и бесплатные печеньки по вторникам. Значит, стараются развивать корпоративную культуру. И офис у них красивый. Я надеюсь, что меня возьмут.

Иду вниз по лестнице и на очередном пролете замечаю фигуру в черном плаще с капюшоном. Хотя на улице лето.

Сердце ухает.

Я ускоряю шаг, чтобы проскочить мимо, но фигура разворачивается и дергает рукой в мою сторону. Все происходит за секунду, но для меня время растягивается до бесконечности, как в замедленной съемке в кино.

Фигура уже бежит вниз по лестнице, а я чувствую, как все лицо горит!

Его будто разъедает что-то едкое.

Боль страшная, невыносимая, я будто горю заживо.

Мне что-то плеснули в лицо.

Я задираю блузку, отрывая пуговицы, и промакиваю лицо, чтобы открыть глаза. И тут же быстро бегу обратно к своей квартире. Но боль такая невыносимая, что у меня начинает кружиться голова. Я спотыкаюсь, падаю, меня шатает, как лодку в шторм. Сразу поднимаюсь и бегу дальше.

Слезы льются по щекам, но не только от страха, а еще и от невозможности дышать, от едкого запаха, который проникает в нос, оседает на языке – что-то металлическое, кислое. И жжение только усиливается.

Я барабаню в соседскую дверь, как ненормальная, а потом дрожащей рукой достаю ключ и проворачиваю его в замке своей двери.

Залетаю в квартиру прямо в обуви и бегу в ванную.

Открываю кран. Плещу холодной водой себе в лицо, и это только усиливает жжение.

Пальцы касаются лица, и я чувствую открытые ранки, будто нет кожи.

Я начинаю кричать.

Так громко, что глохнет в ушах.

Мне страшно поднять взгляд на зеркало.

– Адель! Адель!

Ко мне подбегает соседка, баба Маша.

– Господи, девочка, что с тобой?

Она начинает плакать, глядя на меня.

– В скорую звоните скорее!

Я снова умываю лицо. Стараюсь смыть эту дрянь.

Сердце бешено колотится.

Боже, мне так страшно!

Плещу водой снова и снова. Все еще жжет и болит, невыносимо.

Не поднимаю голову к зеркалу. Не смотрю. Я не могу посмотреть. Слишком страшно.

– Делечка, едет скорая, едет, – говорит соседка, касаясь моего плеча. – Господи боже мой! – снова плачет. – Что с тобой случилось?

– На меня напали, – отвечаю, сглатывая ком в горле.

Я стою, опираясь руками на массивную раковину, и будто весь мир шатается передо мной. От боли и страха мозг почти отключается.

Перед глазами пелена слез.

Я снова набираю в ладони проточной воды и плещу ею в лицо.
Умываюсь не прекращая, снова и снова.

Спустя сколько-то минут, не знаю сколько, я смотрю левым глазом, закрыв правый – все вижу. Потом наоборот, закрываю правый и смотрю левым – тоже немного вижу, но хуже... как будто через пленку.

Боже.

Я так и не смотрю в зеркало.

Снова касаюсь пальцами лица. Осторожно левой щеки. Там волдырь.

У меня трясется все тело.

В ушах начинает звенеть.

Перед глазами все белое.

К горлу подкатывает тошнота.

Я падаю коленями на кафель, ухватившись руками за раковину. А потом на спину.

И отключаюсь.

Открываю глаза, но поддается только один.

Белый потолок.

Я лежу.

Все лицо в чем-то.

Касаюсь кончиком пальца левого глаза, на нем повязка.

Потом кожи – на ней тоже какие-то бинты.

Сердце уходит в пятки.

– Деля! – со стула рядом подскакивает мой муж. – Очнулась.

Поворачиваю голову к нему.

Валя весь бледный, волосы взъерошены, лицо сонное, будто он уснул на этом стуле рядом со мной.

А за мужем еще койки, там тоже лежат пациенты.

– Что с моим глазом? – спрашиваю хрипло.

Я же помню, что он видел. Точно помню.

– Химический ожог. Деля, ты помнишь, что с тобой произошло?

Господи... Лучше бы забыть.

– Глаз... остался?

– Остался, зайка. Он пострадал больше, чем правый, но врач сказал, что ты будешь им видеть.

– Хорошо, – хриплю. – А с лицом что?

– Ожоги второй и третьей степени, – голос мужа дрожит. – Врач сказал, что нужно наблюдение, наверняка понадобится пластическая операция, пересадка кожи.

У меня от этих страшных слов все внутри сжимается в комок и дрожит.

Кто и почему это сделал со мной?

Муж берет меня за руку. Сжимает мои ледяные пальцы.

Я приглядываюсь и замечаю, что у Вали блестящая пелена на глазах.

А потом по щекам мужа начинают литься слезы.

Впервые.

Впервые вижу, как он плачет.

Я закрываю глаз и у меня тоже льются слезы. Такие горячие, тяжелые.

Что теперь будет с моей жизнью?

Глава 6

Я лежу в больнице ужасные две недели. Операция, перевязывания, уколы.

Приходила полиция. Меня допросили и завели дело.

Я рассказала, что подозреваю блондинку.

Только я не знаю ни ее имени, ничего... Это не сильно помогло делу.

Я надеялась, что Валя поддержит меня, и сдаст свою любовницу, если она есть. Потому что, если есть, я почти уверена, что это она. Она ведь угрожала мне и предупреждала, что я должна уйти от мужа.

Но Валентин продолжает твердить, что не знает никакой блондинки, и что любовницы у него нет.

Кто же тогда была та девушка?

Может, и правда он с ней не знаком?

Я уже ничего не знаю.

Сейчас меня больше всего волнует мое здоровье.

Через неделю мне окончательно сняли повязку с глаза, и я обрадовалась, что он все же видит.

Валентин уехал из больницы в первый же день. Он не может бесконечно ночевать на стуле у моей кровати, наверное, решил, что одного дня достаточно.

Я понимаю, что это эгоистично, но сейчас мне очень не хватает присутствия мужа рядом. А он приходит даже не каждый день.

Я его понимаю. Он не может бросить работу ради меня. Но как же хочется его поддержки.

Самым страшным для меня оказалось даже не то, что я осталась одна. Хотя соседки по палате и были разговорчивыми. Но разговор с незнакомцем не заменит поддержки близкого. И ничто не сможет избавить меня от душевной боли, которую я испытываю от мысли о том, что я навсегда потеряла свою красоту. Пусть я не была так же прекрасна, как Мерлин Монро, но теперь я просто чудовище. Жалкое, уродливое.

Самым страшным оказалось – посмотреть на себя в зеркало.

Я боялась до ужаса.

Когда сняли последнюю повязку...

Боже...

Я не пошла к зеркалу. Щупала уже зажившее лицо руками. Ощущала под пальцами рытвины и зажившие язвы и начинала кричать навзрыд.

– Тише, все не так страшно, – обнимала меня соседка, Тоня, она прониклась моей историей.

И я была благодарна ей. Бедняжка сама лежала с ожогами на ногах после того, как обварилась кипятком. Но мне так хотелось, чтобы именно Валя был со мной в этот момент.

И хотелось, и не хотелось одновременно.

Потому что раньше муж видел меня только в бинтах.

А что будет, когда он увидит без них?

Сможет ли любить меня такую?

Или у нас уже все кончено?

Все эти мысли ужасно терзают меня, и из-за стресса реабилитация проходит только сложнее и дольше.

А как же все болит... боже...

Я так и не взглянула на себя в зеркало в тот день. Не смогла. Не была готова.

И вот... я просыпаюсь утром, когда вся палата еще спит. И в этот момент решаю выйти в туалет. Там над раковиной есть зеркало.

Я взгляну. Мне придется.
Сегодня меня все равно выпишут домой. Врач обещал.
А у нас в квартире везде зеркала. Хочу, не хочу, но увижу.
Чувствую холод больничного кафеля даже в тапочках, когда иду по коридору ожогового отделения.
Захожу в туалет.
Тут никого нет.
Стоит запах хлорки.
Подхожу к раковине, поднимаю взгляд на зеркало...
И мир рушится.
Сердце будто дает трещину и замирает в груди, обливаясь прожигающим ядом.
Я не кричу от ужаса.
Стою, вцепившись в раковину до боли в руках, и не замечаю ее, потому что душа болит в миллиард раз сильнее.
В отражении – не я.
Точнее, наполовину я.
Левая часть лица пострадала куда меньше. Есть заживающие раны на щеке и возле брови. Будут шрамы, но не огромные. В остальном, сохранился и контур лица, и ровная кожа, и родинка под глазом. Но это делает ужас контраста только сильнее.
Правая сторона...
Боже.
Кожа неровная, как выжженная земля после пожара. Волдыри сошли, но остались багровые пятна и рытвины. Тут будет не просто шрам. Тут будет яма на лице. Видно, что уцелевшая кожа, если ее так можно назвать, обожжена. Она выглядит, как высохшая тряпка. Сморщилась, просела.
Глаз окружен красной сеткой, ресниц нет, но это мелочи по сравнению с остальным. Бровь есть только наполовину. Скулу стянуло, будто ее кто-то тянет вниз невидимой нитью. Уголок губы искривлен, так что лицо теперь кажется перекошенным.
Я будто смотрю на двух разных женщин в одном отражении. С одной стороны – девушка, у которой были планы и мечты на жизнь. С другой – чудовище, мертвое, отталкивающее, которого страшно даже коснуться.
Слезы все же льются по щекам. Выжигают в груди дыру, как та кислота в моем лице.
Во мне все будто разъедает от боли.
Воздуха не хватает. Я держусь за раковину и не могу сдвинуться с места.
Это не я... не я!
Я отворачиваюсь от зеркала, но образ уже врезался в память. От этого не скрыться.
Меня выписывают в тот же день. Муж отпросился с работы и приехал меня забрать.
Сейчас Валя впервые увидит новую меня.
Сказать, что боюсь его реакции – это не сказать ничего.
Я в ужасе. До дрожи во всем теле, до кома в горле, до онемевших кончиков пальцев, до капель пота по спине.
Спускаюсь в холл больницы. И еще с лестницы вижу у входа Валу.
Он ждет, сидя на стуле рядом с охраной.
Я иду к нему. Он поворачивается в мою сторону.
И видит меня.

Глава 7

На моем лице медицинская маска до самого носа. Правый глаз закрывают волосы. И все равно, при виде меня, муж меняется в лице. Поджимает губы, мышцы у него напрягаются.

Даже цветочка не принес на выписку.

Хотя уже неважно.

Спасибо, что приехал.

– Адель, – встречает меня, неловко здороваясь, и прижимает одной рукой к себе. А я уже сейчас такой холод от него чувствую, что слезы на глаза наворачиваются. – Поехали домой.

Мы едем на нашей машине. По дороге Валя спрашивает меня о всяких мелочах, вроде, что давали на завтрак, что сказал врач... будто ребенка из детского сада забрал, а не жену из ожогового.

В маске трудно дышать. Когда приезжаем домой, я снимаю ее, стоя в коридоре.

Валя впервые смотрит на новую меня.

И я не отворачиваюсь.

Позволяю ему разглядеть.

И это такой страх.

Страх и отторжение в его глазах.

Муж ничего не говорит, но по одному взгляду вижу, что он в ужасе. Наверное, у него сейчас волосы на голове шевелятся.

– Я пойду на консультацию к пластическому хирургу. Мне нужна пересадка кожи. Наверное, еще операции по подтяжке, я не знаю. И думаю, много косметологических процедур. Не представляю, сколько это будет стоить. Но теперь выхода нет, – говорю и голос дрожит. По щеке скатывается слеза.

– Это можно исправить? – серьезно спрашивает Валя.

– Я читала, пока лежала в больнице, смотрела фотографии после таких операций... Можно сделать лучше, но, как раньше уже не будет никогда.

Я закрываю лицо руками и глубоко дышу. Потом смотрю на мужа с отчаянием.

– Валь! Это сделала та блондинка! Я уверена! Уверена, что это она! Она угрожала мне. Неужели ты меня совсем не любишь, и не хочешь, чтобы она ответила за свой поступок?

– Ада, не нервничай, – муж подходит и прижимает меня к себе, но я упираюсь руками ему в грудь.

– Не надо меня успокаивать! Мне уже ничто не поможет! Моя жизнь кончена!

Мотаю головой и снова плачу.

– Адель, детка. Я клянусь, я не знаю, о ком ты говоришь. Может, у тебя были враги на работе или еще где?

– Только твоя любовница, – зло смотрю на него.

– Я больше не собираюсь это обсуждать.

Валя уходит.

Просто уходит в комнату.

Не такой встречи я ожидала от любящего мужа.

На следующий день я иду на прием к пластическому хирургу. А потом еще к одному. Что тот, что другой, подсчитывают, сколько будет стоить полное восстановление лица, и называют такие космические суммы, что я теряю всяческую надежду на скорейшее выздоровление. Потому что копить придется долго.

Если только муж возьмет для меня огромный кредит. Мне-то без работы никто его не даст. И вряд ли я теперь смогу найти достойную работу, которая покрыла бы большой платеж по кредиту.

– Валь, у нас нет таких денег, а я не смогу ходить с таким лицом. Это меня убивает. Может, мы можем взять в долг? – спрашиваю пару дней спустя, когда сидим вечером на кухне.

Я знаю, что Валя планировал брать в трейд ин новую машину. Но жена ведь важнее машины...

Он молчит.

– Валь? – зову. – Я не смогу так.

– А что твой дед? – возмущенно говорит муж. – Он не может продать квартиру?

У меня холодеют руки. Он это серьезно?

– А где он тогда будет жить? И как ты себе это представляешь? Я не могу забрать у родного деда единственную квартиру!

– Он старый. Поживет на съемной какое-то время. Какая ему разница?

– Валь, а ты бы так сказал своей матери? Поживи, мам, на съемной, а твою квартиру я продам. Да она послала бы тебя!

– Но твой дед не такой, как моя мать. Ему не плевать на тебя. Я уверен, если ты попросишь, он сразу согласится.

Я мотаю головой.

– Это исключено. Он всю жизнь прожил в этой квартире. Там каждый квадратный метр для него родной. Там столько воспоминаний о людях, которых уже нет, о временах, которые не вернуть. А ведь пожилые люди живут как раз воспоминаниями. Я не могу лишиться его их. Я бы и сама не хотела продавать эту квартиру.

– Глупости, Деля. Ты все равно никогда не вернешься в Саратов. А деду плевать, где доживать свой век.

– Даже если продать. Все деньги уйдут на операции. А на пенсию не снимешь квартиру. Ты поселишь дедушку у нас?

– Это исключено. Уверен, что-то можно будет снять. Устроишься на работу, будешь отдавать деду долг постепенно. Он на эти деньги будет жить.

Я поднимаюсь. Зло смотрю на мужа.

– Валь, я правильно понимаю, что ты мне не поможешь? Ты клялся, что любишь меня. А теперь в такой тяжелый момент отворачиваешься.

– Я не буду лезть в такие долги, – говорит с выдохом. – Твоей жизни ничего не угрожает. Можно жить и с таким лицом.

У меня в носу начинает щипать.

Слезы срываются с глаз.

Боже... как же невыносимо.

Я ухожу в ванную, включаю воду и просто рыдаю.

Когда же весь этот ужас прекратится? И что мне теперь делать?

Глава 8

2 месяца спустя.

Раны на лице зажили, зарубцевались, превратились в шрамы.

Раны на сердце – не заживают. Им не затянуться, потому что каждый день муж делает новые.

– Да, я еду к тебе, – говорит Валя по телефону, не скрывая от меня, когда я сижу в спальне. Он сбрасывает звонок.

– Куда ты едешь, Валь?

– Это имеет значение? – дерзко отвечает муж, даже не глядя на меня. Достает из шкафа черную рубашку, надевает ее.

Он уже не пытается скрыть любовницу. Нет, я ее больше не видела, и не слышала, но у меня нет сомнений, что она у него есть.

Я давно бы уехала. Только куда? Денег у меня нет. То, что было, уже давно потрачено на жалкие попытки сделать лицо хоть немного лучше. Толку – ноль.

Я бы могла поехать к деду в Саратов. Раньше я приезжала к нему стабильно два-три раза в год. Но сейчас... сейчас я боюсь ехать. Он увидит меня, и я точно знаю, это причинит ему страшную боль. Я не хочу, чтобы он видел меня такой, не хочу его слез, не хочу шока для его старого сердца, которое и без этого повидало столько боли...

Я хочу увидиться, когда восстановлю лицо хотя бы частично. Хотя бы подтянуть овал, а шрамы ладно, они не так напугают его.

Я устроилась на подработку. Мелкую на удаленке. Отвечаю на сообщения клиентов. Платят копейки, даже на аренду квартиры не хватит. Но я все откладываю.

А муж... от мужа никакой поддержки. Он будто только сильнее охладел ко мне. И это невыносимо.

– Валь, ты клялся быть вместе и в горе и в радости, – говорю со слезами на глазах, когда муж застегивает пуговицы на рубашке.

У Вали красивое тело. Подкаченный торс, даже лучше, чем был. Он снова начал ходить в спортзал, следит за собой, старается. Не для меня.

Секса не было ни разу с того дня, как меня выписали.

– И я все еще с тобой, – огрызается муж.

– Я не чувствую твоей поддержки, – отвечаю, глотая слезы. – Ты обманываешь меня. У тебя есть любовница. Это очевидно.

– Да? – хищно улыбается. – И как же это стало тебе очевидно?

– Ты куда-то часто уезжаешь. Не говоришь мне ничего. Мы больше не близки.

Он наклоняется ко мне и говорит в лицо:

– А ты себя видела, Ада? Ты будто чертик из ада. У меня на тебя не стоит.

Его глаза зло сверкают, будто он давно мечтал это мне сказать.

У меня сердце обливается кровью.

Замахиваюсь и даю Вале пощечину со всей силы.

У меня ладонь пульсирует от удара.

Муж поджимает челюсть, раздувает ноздри. Смотрит на меня с нескрываемой ненавистью и замахивается в ответ.

Я зажмуриваю глаза.

Но он не бьет.

– Я бы ударил, – говорит, – да не хочется руки марать об тебя. А то еще заражусь.

Я отворачиваюсь.

В груди все горит.
Валя уходит.
Хлопает входная дверь.
И я срываюсь на рыдания.
Невыносимо.
Господи!
Так больно!
Я не смогу так больше.
Лучше я буду ночевать на вокзале, чем проведу еще хоть одну ночь рядом с ним.
Я немного успокаиваюсь. Привожу дыхание в норму. И начинаю собирать вещи.
Мне некуда идти.
Есть коллеги с прошлой работы, но мы не настолько близки, чтобы я просилась пожить у них. Старые друзья остались в родном городе. Здесь у меня никого толком нет.
И все же, нужно что-то делать.
Я иду на отчаянный шаг.
Кусаю губу до боли. Мне стыдно до вспотевших ладоней и красных ушей. Но я печатаю сообщение в чат с бывшими коллегами:
“Дорогие, мне невероятно стыдно у вас просить, но я оказалась в тяжелой жизненной ситуации...”.

Я описываю все, что случилось в надежде, что они откликнутся и помогут.
“Я могу дать две тысячи. Прости, Дель, больше нет” – откликается Оля.
“Я дам пять, можешь не возвращать”, – пишет Настя.
И почему я сразу так не сделала?
Через два часа у меня набирается сумма достаточная, чтобы снять комнату.
Я открываю объявления. Ищу подходящий вариант. Плохой ремонт, окраина города, старый дом... плевать. Лишь бы не рядом с Валец.

Пакую вещи по сумкам. На оставшиеся деньги заказываю грузтакси.
И уезжаю.
Мне повезло. Хозяйка заселяет меня в тот же день. Отдает ключи.
Я остаюсь одна в маленькой, старой комнатухе. Тут есть спальня, крошечная кухня и ванная без ремонта. Есть вода, газ, электричество. Жить можно.
И у меня есть месяц, чтобы что-то придумать и найти денег на следующий платеж по аренде.

Вечером мне звонит муж.
– И куда ты уехала?
– Разве тебя это волнует? Мы разводимся, Валь, – отвечаю четко, мой голос уже не дрожит.
– Уходишь от меня? Ты? От меня, – Валя откровенно насмехается.
– Представь себе. Может, я теперь не красавица, но у меня все еще есть гордость.
– Гордое чудовище. Ну даешь. Деля, мне тебя жаль. У тебя же ни жилья, ни денег. Куда ты пойдешь? На вокзале ночевать будешь? Или деда пугать поедешь? Возвращайся, пока я не передумал.

Я сглатываю ком в горле. Знал бы Валя, какую боль мне сейчас причиняют его слова. Но я не покажу ему этого. Не доставлю такого удовольствия.
– Я не блефую. Мне не нужен такой муж. Ты меня предал. Живи со своей любовницей, раз она тебе дороже всех.
Слышу, что Валя глубоко дышит.
Молчит.
Потом взрывается:

– Ну и дура! Я жалел тебя, а теперь сдохнешь в канаве, зато гордая. И раз уж на то пошло, да, у меня есть любимая женщина. И это не ты. Мы ждем ребенка и будем счастливы. Прекрасно, раз ты соизволила исчезнуть из нашей жизни. Я уже не знал, как от тебя отделаться. Ты, как чемодан без ручки. И тащить неудобно, и выбросить было жалко.

Я сжимаю руку в кулак. Ногти до боли впиваются в ладонь.

– Твою любимую ждет тюрьма за то, что она со мной сделала.

– Это не она! Не она! Поняла! Ты сама нажила себе врагов, а теперь сваливаешь все на другого человека!

– Верь в это. Ага. И знаешь, Валь, из нас двоих чудовище здесь ты. Прощай.

Я сбрасываю звонок. И только сейчас чувствую, что меня всю бьет крупная дрожь.

Я подаю заявление о разводе. Делить нам с Валею нечего. Машина у него была еще до брака, а квартиру он много лет снимает.

Всю ночь я рыдаю в подушку, а наутро просыпаюсь с температурой.

Я еще и заболеть как-то умудрилась. При том, что ходила в маске.

Неделя проходит в каком-то бреде.

Я не могу работать.

Больничный мне никто не дает. Подработка неофициальная.

Денег не остается вообще. Последнее уходит на лекарства.

Когда я, наконец, прихожу в себя, у меня появляется устойчивое ощущение, что выхода просто нет.

Утром я варю себе суп из супового набора, который купила по скидке. И почему-то в этот момент вспоминаю свой десятый день рождения.

Родители мне тогда подарили пять новых кукол Братц. Мне все подружки завидовали. Потом я сидела с друзьями у нас дома. Стол ломился от еды. И еще был огромный шоколадный торт с десятью свечами, которые я не смогла задуть с первого раза. А потом пришли бабушка Маша и дедушка Семен и подарили мне Лего.

До сих пор помню и подарки, и что ели тогда. Это был один из лучших дней в моей жизни. И все близкие были рядом. Тогда вся жизнь была впереди, и я была уверена, что она будет невероятно счастливой...

От воспоминаний отрывает телефонный звонок.

Соседка из Саратова плачет в трубку:

– Алло, Ада, приезжай. Семен Ильич сегодня ночью ушел на тот свет.

Глава 9

Еду в родной город, сидя у окна в автобусе. Виды сменяются один за другим, то поля, то села. А перед глазами стоит пелена слез.

Я моргаю, чтобы они ушли, но на душе такой ураган, что хочется завывать прямо в этом автобусе.

Дедуля был моим последним живым родственником. Я всегда приезжала к нему по возможности, а тут все откладывала, не хотела шокировать его. А в итоге, мы даже не увиделись перед его смертью.

Как же больно осознавать, что больше я никогда не поговорю с ним. Не прижмусь к его старческой, но еще крепкой груди. Не поиграю с ним в шахматы. И не приготовлю ему его любимый пирог с рыбой.

Ничего больше не будет. Только воспоминания.

А ведь дедуля, можно сказать, заменил мне отца.

Когда мне было двенадцать лет, не стало мамы и папы. Они были успешными бизнесменами. Управляли сетью строительных магазинов. А потом все рухнуло. Они попали в страшную аварию. Бизнес раздербанили, он отошел другим людям. Дом тоже оказался записан не пойми на кого, даже не знаю как это все так вышло, но мне не осталось ничего.

И меня забрали к себе баба Маша и дед Семен. Родители отца.

Тяжелое было время.

Я думаю, что это конкуренты загубили моих родителей. Только виноватых никто не нашел и не наказал.

Вся моя семья будто несет страшное бремя, расплачиваясь за неизвестно чьи грехи.

Я помню, однажды, к нам в дом приходили люди. Два здоровяка с золотыми цепями на шеях, мужики в возрасте и с ними молодой парень. Эти двое сыпали оскорблениями, орали на маму, угрожали отцу. А парень наблюдал и попивал из фляжки что-то, что пахло лекарствами. Еще сказал маме:

“О дочери подумай”.

Так холодно. С угрозой.

До сих пор помню эти слова. Их голоса. И этот запах лекарства из фляжки. И слезы мамы. А я подглядывала, затаившись за дверью.

А потом родители попали в аварию.

Я рассказывала об этих людях позже. Только кто поверит двенадцатилетнему ребенку? Все списали на несчастный случай. Роковая случайность, унесшая жизни двух людей.

Только баба Маша и дед Семен мне поверили. Но настрого запретили кому-либо еще об этом рассказывать. Целее будешь.

Папа погиб в сорок семь лет, маме тогда было сорок. Так что бабушка с дедушкой у меня были возрастные.

С двенадцати лет я жила с ними. Они воспитали меня.

Бабы Маши не стало семь лет спустя. Она была доброй и любящей. Часто покупала мне сладкую вату, которую я очень любила, делала мне прически перед школой и запрещала дружить с мальчишками-хулиганами.

Мы с дедулей так горевали, когда ее не стало.

А теперь нет и его.

И от этой мысли сердце сжимается в комок.

Можно сказать, что дедуля пожил свой век. Повидал другие страны, любил и был любимым. Гулял на свадьбе сына и нянчил внучку. Мечтал о правнуке. Вроде как не самая плохая жизнь у него была. Но от этого ничуть не легче.

Четыре года я жила в другом городе. С Валея. Думала, что с надежным, любящим человеком. А теперь... вспоминаю все, что случилось, и понимаю, что ужасно ошиблась. Наверное, вообще не нужно было переезжать.

Хотя, если подумать, первые годы с ним я правда была счастлива. Ну откуда я, еще юная девчонка могла знать, каким подлецом он окажется на самом деле?

Валя вместе со мной ездил в гости к деду. Почти каждый раз, если мог. Мы оставались с ночевой на пару дней. Убирались, я готовила для бабушки. В остальное время помогала соседка. Хотя дед у меня был самостоятельный и крепкий. Сам ходил в магазин и частенько любил посиживать в гараже с друзьями. Вообще был бодрым. Только сердце его все же подвело.

Да...

Мне будет его не хватать.

Смотрю в окно. Уже подъезжаем к городу.

Я сижу в темных очках, хотя уже вечер. И еще с волосами на половину лица.

В маске долго находиться не могу. Во-первых, в ней сложно дышать, во-вторых, стало появляться раздражение на коже. Она у меня теперь и так хуже некуда, но из-за этой мелкой сыпи от маски все лицо чешется. Так что пришлось искать другие варианты, как скрыть свое уродство. По-другому я это назвать не могу.

На маршрутке доезжаю от вокзала до дома.

Знакомый, тихий район. Сталинка. В подъезде на втором этаже уже встречает соседка, Мария Петровна и ее дочь Света.

– Делечка, привет! Такое горе, – она сразу обнимает меня.

– Соболезную, – говорит из-за ее спины Света.

В киваю.

– Спасибо, что сразу позвонили. Я немного устала с дороги. Если вы не против, давайте все обсудим завтра.

– Да, да, Деля, без проблем. И с поминками поможем, не переживай, одну не бросим.

Мы прощаемся. Я открываю квартиру своим ключом.

Тут даже воздух пропитан прошлым.

Маленькая кухонька, две спальни. Высокие потолки, старый красный ковер на полу. На окне еще бабушкина герань. Растет до сих пор.

Мне кажется, что сейчас и бабушка войдет в комнату. Улыбнется, обнимет. Будет переспрашивать, что я сказала, потому что я говорю не на то ухо, которым он слышит...

Нет. Никого не будет.

А потом начинается тяжелый процесс. Ритуальные агентства, похороны, кладбище, поминки.

Дед копил похоронные. Будто не хотел быть мне обузой. Я нашла эти деньги в полотенцах в шкафу. Знала, что они там.

Сумма была даже больше, чем нужно для скромных похорон. Но я не стала выбирать все самое дешевое. Это деньги бабушки. Пусть у него будут достойные похороны, как он хотел.

Когда думаю об этом, у меня по телу пробегает дрожь. Я пока не понимаю, как можно заранее думать о своих похоронах. Мне о них вообще думать не хочется.

На кладбище несут цветы. На поминки приходит много соседей, друзья и бывшие коллеги деда. Все проходит достойно.

Когда все заканчивается, я навожу порядок в квартире.

Я единственная наследница. Квартира останется у меня. И я не буду ее продавать. Я вернусь сюда жить.

Месяц спустя.

Я прогуливаюсь по парку, пряча лицо за полами шляпы. Лето в разгаре. Цветут петунии в клумбах, птицы летают между кронами деревьев. Мимо проходят пары с детьми, девочки-подружки и парни, которые пытаются с ними познакомиться.

Я иду одна.

Я окончательно перебралась в Саратов. Перевезла сюда свои вещи. Установила мольберт у окна, где он раньше стоял. Но так и не притронулась к нему.

Я не виделась со старыми друзьями.

Все еще не могу смириться с тем, какое у меня лицо. Как представлю их вопросы и ужас, и сразу хочется оттянуть этот момент.

Сейчас я для них веселая бывшая одноклассница, с тяжелой судьбой, но не унывающая. Девушка, которая смогла встретить любовь и переехала в другой город, чтобы быть счастливой и строить семью.

А на деле... Любовь оказалась ненастоящей. И я уже не та жизнерадостная девчонка.

Я другая.

Никогда не стану прежней.

Понравлюсь ли я им такой? Унылой и страшной. Сомневаюсь.

Я встречу с ними, обязательно встречу. Слухи о моей новой внешности тут же разнесутся между всеми знакомыми, но этого все равно не избежать.

Я сворачиваю на другую дорожку, которая идет вдоль большой клумбы, и чуть не налетаю на женщину.

– Простите, – резко останавливаюсь, чуть не столкнувшись с ней лбами.

Поднимаю на нее взгляд.

И узнаю.

Она тоже смотрит на меня.

– Адель! Ты?

Глава 10

– Наталья Валентиновна! Здравствуйте! – с улыбкой говорю я, но тут же зажимаюсь, опускаю голову, чтобы она не разглядывала мое лицо.

Правая часть спрятана за волосами, но, когда стоишь так близко, разглядеть несложно.

– Здравствуй, дорогая моя, – приветливо говорит моя школьная учительница русского, и по совместительству – мой классный руководитель. – Как ты тут? Я тебя тысячу лет не видела.

Наталья Валентиновна легонько касается моего плеча.

Такая добродушная, хотя в школе и была строгой.

– Нормально. Я жила в другом городе, недавно приехала.

– Ты в какую сторону? Туда? – указывает на выход из парка.

– Да.

– А я домой с рынка иду, – говорит она, показывая на большой пакет у себя в руках.

– Давайте, я помогу, – тянусь к ее пакету. – Вы же там же, где и раньше живете?

– Там же, – улыбается. – Да я донесу, он не тяжелый.

– Давайте все-таки я.

Забираю у нее сумку.

– Спасибо.

Наталье Валентиновне за шестьдесят. Невысокая, худая женщина с короткими черными волосами.

Мы вместе идем по тропинке. Учительница тактично ничего не спрашивает о моем лице. Может, и не разглядела, не знаю.

У нас с ней всегда были хорошие отношения. Наталья Валентиновна знает, что у меня рано не стало родителей. Когда это случилось, она сказала, что я могу обращаться к ней по любому вопросу, если мне будет нужна помощь. Она никогда не была равнодушной. Ни к детям, ни к школе. Только наш директор ее не любил. Уж не знаю за что, но он частенько ходил на наши уроки и потом критиковал Наталью Валентиновну на перемене.

Мы доходим до ее двора.

– Ты одна переехала? – спрашивает меня.

– Да. Когда дедушки не стало, решила, что буду жить тут.

– Соболезную, моя дорогая. А бабушка как?

– Она... ее тоже уже нет.

Учительница останавливается, вздыхает.

Смотрит на меня, и в ее взгляде я ощущаю одновременно сочувствие и поддержку.

– Зайдешь? Выпьем чаю. У меня никого дома нет. Муж на работе.

– Да.

Мы поднимаемся на пятый этаж на лифте.

Я впервые в гостях у Натальи Валентиновны. У нее небольшая однушка, довольно уютная, много вещей и комнатных растений.

Садимся на кухне. Я так и остаюсь в шляпе. Не готова ее снять.

Учительница достает чашки.

– А вы так и работаете в школе?

Она смеется.

– Нет. Хватит с меня. Я свой долг обществу отдала. На пенсии сейчас.

– Филипп Сергеевич, наверное, расстроился, что ему больше некого доставать.

– Не говори.

Она разбирает сумку и заваривает чай. Ставит чашки на цветастую клеенку с крошками от хлеба, которые остались, наверное, с завтрака. И садится рядом со мной на диванный уголок за столом.

– Чем ты занимаешься? – спрашивает.

– Я работала логистом, но недавно у нас весь отдел сократили. Пока у меня только подработка в клиентском сервисе банка на удаленке.

– Отвечаешь на звонки?

– В чате.

– И как? Нравится работа?

– Честно, так себе. Но выбора сейчас особо нет. Чтобы была хорошая должность, нужно работать из офиса, строить карьеру, выслуживаться перед начальством. У меня нет такой возможности.

Наталья Валентиновна отпивает чай.

– Помню, ты любила рисовать. Всегда в школе была очень творческая. Рисуешь еще?

– Да. Правда, сейчас реже. Почти перестала.

Тоже пью чай. Приятный, фруктовый.

– Тебе надо заниматься этим почаще. Не хочешь работу, связанную с рисованием? Можно в школу пойти, например. Учителем рисования. Если тебе в банке не нравится. Но там платят копейки. Ты, наверное, больше получаешь, – она машет рукой, как бы отметая собственную идею.

А я бы, может, и пошла в школу. Вот только там нужно будет показывать свое лицо. Не думаю, что меня возьмут, пугать детей. Да и зная детей, я только сильнее комплексовать начну.

Я перевожу дыхание и отпиваю еще чая.

Наталья Валентиновна накрывает мою руку своей.

– Ада, я тебя с детства знаю. Ты всегда была сильной девочкой. Не каждый взрослый справится с тем, что пережила ты. И ты не тот человек, кто будет сдаваться. Займись тем, к чему тянется душа. Пусть это просто хобби, пусть не приносит денег, но делай это хотя бы в удовольствие. Это знаешь, как помогает? Тебе полегчает, вот увидишь. Вернись к рисованию, если ты так его любишь. Не бросай.

– Я попробую, – улыбаюсь и поднимаю на нее глаза.

Теперь она точно видит мое лицо, потому что смотрит прямо на меня. Ее зрачки расширяются.

– Наталья Валентиновна... – я запинаясь, в горле встает ком.

– Иди сюда, можно я тебя обниму?

И, не дождавшись ответа, она прижимает меня к себе.

От нее пахнет сладкими духами, будто из тех, что делали еще в советском союзе. От нее всегда так пахло.

– Все будет хорошо. Слышишь? – говорит она, выпуская меня из объятий.

Я киваю.

Мы еще полчаса сидим за чаем.

Конечно, мне приходится объяснить, что со мной случилось. Но я прошу учительницу не рассказывать никому об этом. Не знаю, насколько она сдержит свое слово. Мужу, наверное, точно расскажет. Но, буду надеяться, что до одноклассников слух не дойдет так скоро.

Я выхожу от нее в смешанных чувствах. С одной стороны, снова разворошила рану, которая никак не заживает. Зато с другой, Наталья Валентиновна меня вдохновила. Мне захотелось снова взяться за кисть. Пусть мои картины никто не покупает. Но мне же это нравится. Возможно, если я буду рисовать, мне и правда станет легче.

Я возвращаюсь домой и почти сразу сажусь за мольберт.

Проходит месяц.

На улице начало сентября. Погода еще летняя.

Я продолжаю работать на удаленке, денег хватает на еду и коммуналку. В свободное время рисую картины.

Они... стали другими.

Более мрачными, в архитектуре появились детали, которых не бывает в обычной жизни. На одной картине здание как бы окутывают темные щупальца. На другой – городской парк изображен перевернутым, и цветы в клумбах все черные и синие.

Еще я стала рисовать людей. В основном лица крупным планом. Несовершенные лица. С порезами, шрамами. Их ведь так много. Таких людей. Идеальная кожа зачастую только у актеров на экране. А в жизни... все мы другие. Настоящие.

Еще я нарисовала несколько полотен с животными, похожими на людей. Тоже крупным планом, тоже шрамы. Но тут, наоборот, все в ярких тонах.

Я никогда не рисовала ничего подобного.

Мои картины одновременно ужасают меня своей мрачностью и завораживают деталями, которые я добавляю, будто находясь в трансе. Для меня эти лица и дома будто оживают.

И мне правда становится легче.

За месяц я написала двадцать три небольших полотна. Из меня так и шли идеи, и я воплощала их с такой скоростью и страстью, будто этот удивительный поток вдохновения мог оборваться в любой момент.

Днем в выходной я заканчиваю работу над очередной картиной, когда ко мне в дверь стучат. Бросаю кисть, натягиваю медицинскую маску на лицо и иду открывать.

– Привет! Мама тебе кабачки с дачи передала, – Света, соседка протягивает мне пакет с тремя большими кабачками.

– Спасибо, Свет. Проходи.

Я иду на кухню, убрать кабачки.

Мы со Светой иногда общаемся. Ей девятнадцать, у нее сейчас студенческая жизнь в самом разгаре, и мы как-то зацепились за эту тему профессоров и лекций, и немного сдружились.

– Новая картина? – голос Светы из комнаты.

Я захожу, когда она рассматривает полотно.

– Да. Что думаешь?

– Интересно. Так... загадочно, что ли. – Она оборачивается на меня. – Ада, слушай, ты должна их выставить!

– Даа... Договорюсь с одной из галерей, которые стоят у меня в очереди, – смеюсь.

– Очень зря ты так говоришь. И не нужна тебе никакая галерея. У нас в городе есть ярмарка мастеров. Видела? Такие на проспекте часто бывают.

– Видела.

– У нас как раз через неделю новая ярмарка. А я там не абы кто, а помощник организатора! – торжественно объявляет Света.

– Ухты. Это тебя от университета послали, что ли?

– Да. Была вакансия, и меня выбрали, как отличницу.

– Поздравляю.

– Ада, подай, пожалуйста, заявку. Там могут участвовать все желающие. А я обещаю выбить тебе место не на самом солнцепеке.

Я смеюсь.

– Спасибо. От такого не отказываются, – говорю с легким сарказмом, но на самом деле благодарна Свете, что ей вообще есть до меня дело.

Я приняла это предложение с легкостью, даже с азартом. Еще не зная, что именно на этой ярмарке меня ждет судьбоносная встреча, которая изменит все.

Глава 11

Ярмарка мастеров в самом разгаре. Я подала заявку и теперь сижу в удобном складном кресле прямо на проспекте. На улице уже легкая прохлада, но солнце еще щедро греет. Воздух наполнен ароматом вареной кукурузы от прилавка неподалеку. Вокруг роскошные деревья в ярких нарядах.

На мне легкое черное пальто, волосы убраны на правую половину лица.

С двух сторон от меня и напротив стоят прилавки других мастеров. Тут и вязаные куклы, и фигурное мыло, и сумки ручной работы.

Рядом разложены мои картины. Я сама ставила их на мольберты, которые подсуетилась и нашла для меня Света. Я крутила их и так и этак, чтобы падал солнечный свет, чтобы мазки маслом оживали и бликовали. И, кажется, получилось неплохо.

Люди проходят мимо, кто-то замедляет шаг, останавливается, наклоняет голову, рассматривает.

Подходит пожилая пара – женщина в бежевом свитере и мужчина в сером плаще нараспашку.

– Здравствуйте, а это вы писали? – спрашивает женщина, останавливаясь перед картиной с пустыней.

– Да, это моя работа, – улыбаюсь я.

– Какая глубокая тень... Это закат? – уточняет мужчина.

– Закат, – киваю. – Там я пыталась передать чувство одиночества, когда свет уже уходит, а ночь еще не пришла.

Они переглядываются, кивают и уходят, но в глазах остается интерес.

Я ловлю на себе взгляды, благодарю за вопросы, улыбаюсь каждому. Пусть сердце и сжимается каждый раз: вдруг кто-то разглядит, вдруг заметит уродливую часть лица за волосами.

Время тянется спокойно, размеренно.

Ближе к обеду подходит Света. На ней вязаное белое платье по колено и длинный красный шарф на шее. В руках два стаканчика кофе. Один она протягивает мне.

– Ну, как успехи? – спрашивает с улыбкой.

Я отпиваю горячий напиток.

– Продала одну картину, – говорю тихо, но в душе поднимается радость.

– Ого! И какую?

– Мужчина-зебра. Со шрамами на пол-лица. За семь тысяч.

Света одобритительно кивает:

– Помню ее. Классная! Я бы у себя дома такую повесила.

– Ты мне льстишь.

– Я говорю, как искусствовед, – возмущается она, театрально закатывая глаза.

Мы обе смеемся, и на мгновение все вокруг становится легким, будто я обычная девушка, без прошлого, без боли, просто художница, у которой сегодня случился маленький успех.

Мы со Светой еще немного болтаем, и она уходит обратно к организатору, чтобы продолжить работу.

За следующие два часа я ничего не продаю. Сижу, читаю Агату Кристи в мягкой обложке, и тут слышу какой-то повторяющийся звук, похожий на метроном.

Я поднимаю взгляд.

Высокий мужчина в графитовом классическом костюме идет, опираясь на черную трость с серебряной ручкой. Его фигура – уверенная, мощная: широкие плечи, прямой шаг, хоть и с легкой хромотой. Волосы темные, но с легкой благородной сединой у висков. Чуть отросшая борода подчеркивает волевой подбородок. Ему лет сорок на вид, может чуть больше.

Он идет мимо, но задерживает взгляд на моих картинах и подходит к прилавку. Я убираю книгу в сторону и выпрямляюсь, сидя в кресле.

Молчу.

Запах... я улавливаю его запах. Тонкие ноты табака и дорогого парфюма, сладость с горчинкой, как каштановый мед.

Он долго смотрит на картины, не торопясь. Его темные глаза бегают от одной к другой, задерживаются, будто ищут что-то.

Я машинально поправляю волосы, стараясь еще сильнее закрыть правую сторону лица. И тут же ловлю себя на мысли: его лицо кажется мне знакомым. Где-то я уже видела этот профиль, этот взгляд... Нет. Чужой. Я точно никогда не встречала этого человека. Просто странное ощущение.

– Ваши картины? – спрашивает он низким голосом.

И от мужчины исходит такая сила, такая густая энергия, что я практически физически ощущаю ее кожей. Волоски на руках встают дыбом.

Я киваю:

– Да, мои.

– Не продавайте их, – неожиданно произносит он.

– Простите?... – моргаю я.

Он медленно обходит мольберты, разглядывает ценники. Указывает на них ручкой трости, и я замечаю на ней гравировку в виде раскрытой розы.

– Пять тысяч... три тысячи... десять... – качает мужчина головой. – Они стоят дороже.

Я прикусываю губу, не зная, что ответить.

– Хотите купить дороже? – произношу спокойно, но звучит неловко.

Он поднимает на меня взгляд. В нем нет насмешки, только какая-то внутренняя сила, спокойная и опасная одновременно. Этот мужчина... В нем нет ничего страшного внешне, даже наоборот, он очень привлекательный, но его энергетика... Она пугает и притягивает одновременно. От него невозможно отвести глаз.

– Я возьму эту, – он указывает тростью на картину, где дом окутан черными щупальцами.

Я уже открываю рот, чтобы назвать цену, но он достает пачку купюр. Отсчитывает пятизначные и протягивает мне.

Я замираю.

– Но... это слишком...

– Нет, – коротко говорит он. – Это мало.

И, забрав картину, разворачивается. Его шаги уверенные, трость стучит по плитке. Он уходит, даже не оглянувшись.

Я стою с дрожащими руками. Новенькие купюры в пальцах. Пересчитываю. Сто тысяч. Настоящие.

– Стойте! Подождите! – вырывается у меня.

Я бросаюсь к соседке – женщине с вязаными куклами:

– Посмотрите, пожалуйста, за моими картинами!

И бегу. Но когда забегаю за угол, мужчины уже нет. Пропал, растворился в толпе. Как будто и не было.

Весь день до вечера я не нахожу себе места. Смотрю на деньги, убираю в кошелек, потом снова достаю, перечитываю, и думаю, что даже не могу их вернуть.

К восьми вечера ярмарка подходит к концу. Солнце уже село, на улице включились фонари. Люди сворачивают прилавки, убирают игрушки и книги. Я аккуратно собираю картины, укладываю их в большие пакеты.

Ко мне подходит Света, с горящими глазами:

– Ада! Слушай! На ярмарке был меценат. Видел твои работы, – она говорит почти задыхаясь от эмоций. – Он хочет встретиться с тобой лично и обсудить выставку!

Я поднимаю на нее глаза.

– Меценат? Кто?

– Он не называет своего имени. Жертвует на искусство. И его заинтересовали твои картины.

– Как он выглядит?

– Я не знаю, – Света разводит руками. – Я с людьми такого уровня не общаюсь. Он говорил с организатором, Дашей. Она рассказала мне. А я сказала ей, что мы с тобой дружим, и она доверила мне, чтобы я передала тебе адрес. Мне потом еще отчитаться надо, что я все сделала. Вот. Из рук в руки.

Она протягивает лист с названием улицы и дома, вырванный из блокнота.

– Это твой шанс.

Я колеблюсь:

– Может, позвонить сначала?

– Нет. Он ждет тебя прямо сейчас. Вот по этому адресу.

– Сейчас? – я смотрю на часы. Восемь вечера.

– Ну и что? Ехать час максимум. Ада, езжай. Не упусти.

Мы вместе относим мои картины в комнату, которую нам выделили под склад на первом этаже здания неподалеку. Я благодарю Свету, а сама все время чувствую в груди тревожное волнение.

Такси увозит меня все дальше от центра. За окном мелькает вечерний город. Я прижимаю к себе сумку, сердце отдает пульсациями в горле.

Кто он? Что ждет меня там? Неужели, ему правда понравились мои картины?

Я перебираю в голове всех людей, кого запомнила на ярмарке. Сразу на ум приходит мужчина, который сказал мне не продавать картины. Это он меценат?

А может это та пара, что интересовалась картинами еще днем? Мужчина в сером плаще явно разбирался в искусстве.

Или это был человек, который даже не заговорил со мной. Только остановился, посмотрел на картины и ушел. Такие тоже были.

Такси увозит меня на окраину города в элитный частный сектор. Фонари подсвечивают разноцветную листву на деревьях, которые растут вдоль широкой дороги.

Тишина. Тут такая тишина.

Мы доезжаем до самого конца улицы. Шины мягко шуршат по дороге, и машина останавливается.

– Приехали? – спрашиваю я.

– Да, если верить навигатору, это ваш адрес. Вон дом, – он кивает вперед.

– Спасибо.

Я выхожу из машины, и она почти сразу уезжает.

Передо мной особняк. Высокие ворота с коваными узорами, за ними – двухэтажный дом с большими окнами. В них горит свет, но ничего не видно за шторами. Фасад подсвечен мягким желтым светом, дорожка из каменной плитки ведет к крыльцу.

Когда я делаю шаг вперед и осматриваясь, ворота раскрываются передо мной, будто впуская меня в неизведанный мир.

Я иду по освещенному двору. Вокруг живая изгородь, клумбы, фигурно подстриженные деревья с идеально круглыми шапками.

Подхожу к массивной двери из темного дерева. И не успеваю постучать, как она открывается.

Меня встречает мужчина в строгом костюме, похожий на дворецкого из кино. Он кивает:

– Вас ждут.

Я прохожу внутрь. Снимаю полусапожки у входа и иду за мужчиной.

Ступаю в носках по гладкому, холодному паркету, разглядывая дорогой интерьер. Высокие потолки, окна почти в пол, на стенах картины в деревянных рамах: пейзажи и люди. В воздухе запах чистоты и роскоши.

В центре гостиной, куда мы проходим, стоит рояль у окна, дальше три светлых дивана буквой П. А перед ними – большой горящий камин.

И лицом к этому камину стоит мужчина.

Я вижу лишь его спину, но сразу узнаю.

Он оборачивается ко мне, и мое сердце замирает.

Глава 12

Я замираю на пороге, словно врезаюсь в невидимую стену.
Это он. Тот самый мужчина с ярмарки. Который купил мою картину за сто тысяч рублей.
В груди что-то предательски дрожит, как струна, задетая неумелыми пальцами. Я ощущаю тревогу, волнение, предвкушение и страх одновременно.

Сердце быстро бьется в груди, шум крови в ушах.

– Проходи, – голос у мужчины спокойный, низкий, заботливый и, в то же время, не терпящий возражений, – садись.

Он делает жест рукой в сторону диванов.

Я киваю, будто, наконец, вышла из оцепенения и прохожу вглубь комнаты.

Опускаюсь на центральный диван и кладу сумку себе на ноги. Крепко сжимаю ее ручки пальцами, стараясь справиться с волнением.

Мужчина проходит, стуча тростью, и садится на боковой диван, слева от меня. Его поза расслабленная, он убирает трость в сторону, откидывается на спинку, но не сводит глаз с меня.

– Можешь называть меня Леонид, или Лео.

– Это ваше имя? – вспоминаю слова Светы, что меценат не раскрывает имени.

– Не имеет значения. Ты можешь обращаться ко мне так.

– Я поняла. Меня зовут Адель. Но вы, наверное, знаете.

Он едва заметно кивает.

Я чувствую его взгляд. Он изучает меня не торопясь, как коллекционер смотрит на найденную вещь: поворачивает мысленно, прикидывает, как впишется в коллекцию. От этого по спине бегут мурашки.

– В твоих картинах столько боли, – наконец говорит он. – Почему?

Я дергаюсь, словно эти слова могли ударить меня.

Я не готова вот так запросто раскрыться первому встречному. Даже если он меценат и хочет продвигать меня. Я едва его знаю. Разве не достаточно просто моих картин? Раз они ему понравились. Зачем он хочет залезть мне в душу?

Я отвожу взгляд, поправляю волосы, словно маску, чтобы спрятаться за ней.

– Не имеет значения, – наконец, отвечаю, взяв себя в руки.

На его губах появляется легкая улыбка, а во взгляде мелькает уважение.

– Это... просто стиль, – отвечаю, чтобы не казаться совсем уж грубой.

Снова поправляю волосы. Чем дольше он на меня смотрит, тем сильнее ощущение, что он что-то разглядит.

А для меня... показать ту часть своего лица – будто раздеться догола перед человеком. Слишком интимно, слишком страшно...

Я уже однажды показала свое лицо мужчине. Валентину. И он уничтожил меня этим. Сказал, что я как черт из ада. Что я настолько ужасна, что ему неприятна любая близость со мной.

Нет, больше я так не оступлюсь.

Не раскрою тело и душу перед мужчиной.

Да ни перед кем.

– Выпьешь? – вдруг спрашивает Леонид.

– Я не пью, – отвечаю сразу.

– Тогда и я не буду, – кивает.

Он слегка поворачивается в сторону стоящего неподалеку пожилого мужчины в строгом костюме, который все это время присутствовал незримо, как часть интерьера.

– Артур, мне чая. А гостье? – Лео переводит вопросительный взгляд на меня.

– Кофе.

Артур кивает и выходит. Я остаюсь наедине с этим человеком, и в комнате словно становится жарче от невидимого напряжения.

Лео продолжает меня разглядывать. Взгляд цепляется за волосы, ищет лазейку к лицу. Мне кажется, он сейчас просто наклонится и уберет прядь. Сердце бешено колотится о ребра. Но в какой-то момент Леонид отводит взгляд. И я выдыхаю так заметно, что сама это слышу. Плечи падают вниз.

Этот мужчина... в нем слишком много всего: сила, которая внушает страх и уважение; власть, от которой хочется либо покориться, либо сбежать; притяжение, что заставляет возвращаться к нему взглядом снова и снова, будто меня тянет к нему невидимой энергией; и опасность, едва уловимая, как тонкий запах дыма в доме.

– Так что вы хотели обсудить? – спрашиваю спокойно, потирая вспотевшие ладони о колени.

– У твоих полотен есть потенциал. Я хочу устроить тебе выставку.

Я скидываю голову.

– Что?

– Выставку. Через два месяца. В галерее моего друга.

– Вы это абсолютно серьезно сейчас говорите? – я не верю своим ушам.

Света говорила о выставке, но я не верила все это время. И сейчас не верю.

– Более чем, – он чуть склоняет голову.

– Почему именно я?

– Потому что в твоих картинах правда, – отвечает он без паузы. – И потому что я хочу, чтобы люди ее увидели.

– Но... – я сглатываю.

В этот момент Артур возвращается с подносом. Ставит передо мной чашку кофе, перед ним – чай. Лео кивает, благодарит, потом снова переводит взгляд на меня.

– Это же так просто не делается. Всему есть цена, – заканчиваю мысль.

– Почему? – он прищуривается. – Я беру на себя организацию. Пространство, реклама, гости. От тебя нужны картины.

Его слова звучат почти искренне. Почти. Но я уже слишком многое пережила, чтобы верить первому встречному.

– И все? – я не выдерживаю и усмехаюсь, хотя губы дрожат. И все тело уже взмокло от волнения. – Так не бывает. Всегда есть условия.

– Условия будут, – он не отводит взгляда. – Но они не касаются денег.

Я чувствую, как сердце падает куда-то вниз. Конечно. Подвох есть.

Не может человек вот так просто предложить незнакомке выставку.

– И какие условия? – спрашиваю с замиранием сердца, будто только что ступила одной ногой в пропасть.

Глава 13

– Какие условия? – спрашиваю осторожно.

Сердце колотится так, будто хочет вырваться наружу. Ладони мокрые, я сжимаю руками колени, чтобы хоть как-то унять дрожь.

Смотрю на Лео. Внимательного, серьезного, уверенного...

Хочется сбежать. И хочется остаться.

Я чувствую рядом с ним не только страх. Но и интерес. Волнение. Любопытство, опасное и пьянящее.

Леонид подается вперед, смотрит мне в глаза.

– Ты должна написать еще хотя бы пять полотен. Выставку сделаем через два месяца. Сможешь?

Я замираю. Только пять картин. Не требование, не ловушка, не страшный подвох. Пять картин. Что может быть проще?

Но именно эта простота пугает больше всего.

Смогу ли я? Конечно. Я пишу все свободное время. Вдохновение пока не иссякло, даже напротив. Но... почему именно я? Неужели во мне действительно есть что-то, что стоит выставки? Неужели он увидел то, что не заметил никто другой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.